

РИНА
БЕЖ

Я БЫВШИЕ.
Вас верну

Рина Беж

Бывшие. Я вас верну

<https://litres.ru/74206852>

Аннотация

"Позаботься о Снежке. Скажи ей, что мама ее любит"
Сообщение от бывшей жены упало на телефон замначальника управления уголовного розыска за десять минут до того, как на пульт дежурного поступила информация, что на один из филиалов Кредо-Банка был совершен вооружённый налет. Четверо нападавших не успели скрыться и забаррикадировались в здании вместе с заложниками. В их числе оказалась и Рита, бывшая жена майора Чернышова.

✓# Очень эмоционально ✓# Общий ребенок ✓# После развода ✓#Измены не было ✓# Хэппи-энд ✓# ОДНОТОМНИК

♥#НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПОДПИСЫВАТЬСЯ НА МОЮ АВТОРСКУЮ СТРАНИЧКУ, ЧТОБЫ ОТСЛЕЖИВАТЬ НОВИНКИ И НОВОСТИ

Содержание

Глава 1	4
==	11
Глава 2	12
Визуал	17
Глава 3	18
Визуал-2	23
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	42
Глава 9	49
Глава 10	53
Глава 11	58
Глава 12	64
Глава 13	70
Глава 14	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Глава 1

##"Позаботься о Снежке. Скажи ей, что мама ее любит"
 Сообщение от бывшей жены упало на телефон замначальника управления уголовного розыска за десять минут до того, как на пульт дежурного поступила информация, что на один из филиалов Кредо-Банка был совершен вооружённый налет.
 Четверо нападавших не успели скрыться и забаррикадировались в здании вместе с заложниками. В их числе оказалась и Рита, бывшая жена майора Чернышова.

 ✓# Очень эмоционально ✓# Общий ребенок ✓#После развода

=====

Глава 1

МАРГАРИТА

– Ой, Ритка, везучая ты зараза! Через две недели на юг свой укаатишь, будешь там пузиком кверху загорать, а мы тут в осенних дождях и слякоти выживать.

Жанна Елина, как и я, менеджер по работе с VIP-клиентами банка, откидывается на спинку кресла и скрещивает руки на груди. Закидывает ногу на ногу, отчего юбка-карандаш задирается аж до середины бедра, и, стянув с пятки лакированную туфлю, аккуратно той на кончиках пальцев покачи-

вает.

– Жанна, да хватит тебе прибежаться, – отмахиваюсь, не спеша проникаться минорным настроением коллеги. – Я всего лишь в Лазаревское еду, а не за границу лечу.

– И что?

– И то! Ты только неделю назад из Турции вернулась, красotka моя, где целых четырнадцать дней в отеле в пятью звездочками отдыхала, и уже капризничаешь. А я, между прочим, не на курорт собираюсь, а всего лишь в домик, оставшийся от тетки по маминей линии, где мне придется все делать своими ручками. Убирать, готовить, стирать, полоть. И никакого обслуживающего персонала под попой, заметь.

– Эх, да, об этом я что-то не подумала.

– То-то и оно, – усмехаюсь.

Захлопываю папку со списком клиентов, которых сегодня оповещала о новых возможностях, предоставляемых нашим банком, и откладываю ее на край стола.

– И Снежку с собой туда возьмешь?

– Конечно возьму. Как иначе?

Другие варианты мной даже не рассматривались.

Я без своей сладкой булочки никуда. Доченька – мое главное сокровище. Единственный родной человечек, не считая старшего брата и бабушки.

Куда я – туда она.

– А Чернышов что? Не против?

Как обычно, любое упоминание бывшего мужа заставляет

сердце сбиться с ритма и частить, как заполошное. Но внешне ничем смятения не выдаю. За почти год неплохо натренировалась держать лицо.

Вот и сейчас, услышав вопрос, безмятежно пожимаю плечами.

– Я еще в начале лета его о наших с дочкой планах предупредила. И в воскресенье, когда он приезжал Снежку проведать, напоминала еще раз. Так что нет, он не против.

– Ну надо же, – фыркает Елина, наматывая на палец льняную прядку волос. – То каждую неделю к тебе домой таскается, а тут почти на целый месяц вас за тридевять земель спокойно отпускает.

– Он не ко мне ходит, Жанн, а к дочери, – поправляю коллегу, гася тяжелый вздох.

Терпеть не могу обсуждать личное, но лучше ответить хотя бы на минимум простых вопросов, чем держать интригу полным молчанием и тем самым подкидывать дровишек в неугасающий интерес болтушек.

А болтушки у нас хоть куда. Коллектив в основном женский – и этим все сказано.

Плюс сам Чернышов, мой бывший муж. Был бы он обычным работягой, куда ни шло, так сильно им бы не интересовались. Хотя, нет, неправда, он бы и обычным работягой при своей харизме и внешности к себе внимание приковывал... а тут целый офицер. Заместитель начальника управления уголовного розыска в звании майора.

– И не за тридевять земель мы едем, – неспешно дополняю свой ответ, – а всего лишь за тысячу двести километров.

Что же касается почти месяца отдыха... так Елена Степановна, моя бывшая свекровь, в нашу последнюю встречу упоминала что-то про то, что Павел с Алёной вроде как тоже куда-то к морю лететь планировали. Не то в Грузию, не то в Абхазию. Я особо не вникала.

Но этого вслух не говорю. Хватит и того, что уже озвучила.

– Ага-ага. Тысяча двести километров – это ж ближний свет, точно, Рит, – фырчит коллега, закатывая глаза. – И ты всё это расстояние на машине собираешься пилить? Одна?

– Да, мне так удобнее.

– Удобнее? Самой, без мужика? Еще и с двухлеткой? Ой, мать, ну и сумасшедшая же ты баба.

– Ничего, выдержу. Мне не впервой, – пожимаю плечами и поднимаюсь на ноги, чтобы включить чайник.

Три часа – пора устроить небольшой технический перерыв.

К счастью, на этом допрос заканчивается.

Заглянувшая в кабинет Светлана Петровна, просит Жанну помочь девочкам в оперзале с обновлениями в программе, я же достаю из верхнего ящика стола мобильный и, пока есть время, проверяю пришедшие сообщения.

Бабуля как обычно шлет кулинарные ролики из тик-тока. Улыбнувшись, отмечаю их лайками. Ей будет приятно, а я

дома вечером, если не забуду, посмотрю.

Еще пара сообщений от маркетплейсов со скидками на всякую ерунду. Ничего важного.

Гашу экран, выдвигаю ящик, чтобы убрать телефон назад, и в этот момент раздают хлопки.

Замираю.

Знакомые звуки.

Громкие. Пугающие.

Однажды с Павлом ездила на полигон, где он со своими операми сдавал нормативы, в том числе на стрельбище. И сейчас услышанное очень похоже на то, что думала, уже давно позабыла.

Докрутить в голове мысль не успеваю, до слуха доносятся крики и визг.

И снова хлопки.

Тело с ног до головы покрывается мурашками. Глаза мечутся, но ни за что не цепляются. В голове вата. Хотя нет, не совсем вата, мелькает пугающая мысль...

Господи, что сейчас творится в оперзале?

И следом другая, более умная...

Дура! Не медли! Ментов вызывать надо. Вдруг другие не успели!

Подскакиваю на ноги, а те будто свинцом налились. И руки ходуном ходят, когда тянусь и жму на тревожную кнопку. Дальше к двери. На носочках.

Запереть? Забаррикадироваться, задвинув столом? А тол-

ку? Не бронированная. И там, и там пластик. Ногами без проблем выбьют.

Немного приоткрываю.

Грубый мужской голос в узком небольшом коридорчике, что ведет в наш и ещё один соседний кабинет, заставляет замереть с выпученными глазами.

– Краб, обыщи помещения. И тащи всех сюда, живо!

Делаю судорожный вдох. Сжимаю кулаки.

Сейчас он войдет. Сейчас меня схватят...

Бросаю взгляд на часы. Начало пятого.

Да что ж такое?! Снежка моя. Доченька.

Ее же из яслей через час забирать надо.

А я не смогу через час...

А смогу ли вообще?

До мозга с трудом доходит, что во влажных ладонях сжимаю телефон.

Точно!

Закусываю губу, болью приводя себя в более-менее адекватное состояние, и дрожащими пальцами набираю сообщение тому, кому моя дочь так же бесконечно дорога, как и мне.

Её отцу. Чернышову. ***"Позаботься о Снежке. Скажи ей, что мама ее любит"***

Жму на "отправить".

И в этот момент дверь распахивается и с грохотом ударяется о стену.

– Ух ты, какая лялька! Ну привет, лапа... а я за тобой!

==

**Уважаемые читатели!
 Добро пожаловать в мою новинку**

**"Бывшие. Я вас верну"
 Думаю, само название уже говорит о многом. Нашему герою придется поборотся за семью, от которой он отказался.**

Носовые платочки братъ, сковородки и скалки не стоит, к хэппи-энду готовиться всенепременно!!!))

**Книга участвует в литмобе "Бывшие. Вернуть семью"
 Перейдя по ссылке вы найдете немало интересных историй.
 https://litnet.com/shrt/G_ew
**

Приятного чтения!

Глава 2

МАРГАРИТА

Мужик в балаклаве с прорезями для глаз совсем неаккуратно хватает меня за руку повыше плеча, сдавливая, оставляя синяки, и, не церемонясь, дергает ближе к себе.

От рывка и столкновения с большим каменным телом из легких с тихим охом вылетает оставшийся воздух, а из влажной ладони выскальзывает и пикирует вниз телефон.

Бамс! Разлетается он на несколько частей.

Не моргая, смотрю на единственную ниточку, что соединяла меня с нормальным миром, где я жила вместе с дочкой тихой, спокойной жизнью, и судорожно сквозь приоткрытые губы втягиваю новую порцию кислорода.

– Ментов, сучка, вызвать хотела? – рокошет тот, кого неизвестных называл Крабом, и одним ударом каблука высоких ботинок превращает и так вряд ли уже рабочий гаджет в кучку бесполезного пластика.

Отвечать не пытаюсь. Да и не нужен налетчику мой ответ.

Не отпуская моего плеча, он внимательно осматривает кабинет. Приподнимает ногу и толкает мой стол вперед. Тот с противным скрежетом проскальзывает по линолеуму, и сдвигает стол коллеги, стоящий к нему впритык. Мониторы шатаются и едва не слетают на пол. Бугай заглядывает во все щели и распахивает дверцы единственного шкафа.

Убедившись, что кроме меня никого нет, хватает меня за шею и пихает в сторону выхода:

– П-шла...

Ноги заплетаются, когда пытаюсь их переставлять. Еще десять минут назад удобные лодочки кажутся неподъемными колодками, а все мысли, как нужно действовать в экстремальной ситуации, покидают мою голову, как вода сито.

Идем недалеко.

Узкий коридор. Распахнутые двери. Глаза мечутся по оперзалу. Жалюзи на окнах опущены. Столы и стулья перевернуты и сдвинуты в одну сторону.

Персонал и несколько посетителей, сжавшись в клубки, сидят на полу вдоль стены. Кто-то обхватив себя за плечи и глядя вперед заплаканными глазами. Кто-то заложив руки за голову. В отдалении, возле двери, упираясь головой в перегородку лежит Вениамин Егорович. Охранник делает глубокие сильные вдохи, держась за живот. Голубая рубашка пропитана кровью.

Двое вооруженных людей в балаклавах стоят посреди зала. Третий сидит, перетягивая окровавленное бедро бинтом. Рядом распотрошенная аптечка.

– Всех проверил? Эта единственная?

Голос, который слышала ранее, заставляет вздрогнуть.

– Да, Дар. Только эта пряталась.

– Отлично. Давай ее к остальным.

– Без проблем.

В следующую секунду меня резко толкают в спину.

– Села к стене.

От столкновения носа с полом спасают вовремя выставленные вперед ладони и колено. Счесываю первые, отбиваю второе, но после увиденного, что бандиты сделали с нашим охранником, возмущаться желания не возникает.

У них оружие, и они не брезгуют его применять.

Втягиваю в себя губы и с силой их сжимаю зубами, чтобы не издать ни одного звука. Не стоит привлекать к себе лишнего внимания.

Я – ветошь. Маленькая, серая, незаметная. Не ору, не истерю, сижу тихо и жду, когда нас освободят опытные люди.

Боже, нас же освободят, да?!

И тут как наждачкой по оголенным нервам:

– Мамочки, нас всех убьют... ы-ы-ы... я не хочу! Не хочу! Не хочу-у-у умира-а-ать!!! – у Елиной начинается истерика.
Громкая. С визгами и подвываниями.

Господи! Ну зачем? Кому она лучше делает?

Хочется податься к ней ближе и заставить замолчать. Только между нами несколько метров и шесть человек.

– А ну заткни ее, или это сделаю я сам, – рывкает тот, кто приволок меня в этот зал. Его рука с оружием напрягается.

– Тише-тише... Жанна, перестань, – сидящая по близости Светлана Петровна, притягивает девчонку к себе. Гладит по спине, еще что-то шепчет.

– Внимание! С вами говорит начальник управления МВД

России полковник полиции Анатолий Веригин, – голос, усиленный динамиком, раздаётся с улицы и вселяет надежду, что скоро нас спасут. – Здание окружено. Сопротивление бесполезно. Сдайте оружие и отпустите заложников, и мы гарантируем вам...

– Да пошел ты к черту со своими гарантиями! – вдруг выкрикивает тот, кто бинтовал себе ногу.

Вскинут пистолет он несколько раз стреляет по окнам.

Стекло со звоном разлетается. Визги, крик, паника...

Подтягиваю ноги к груди, обхватываю руками голову.

– Мне надо выжить. Мне надо выжить. Меня Снежка дома ждет... всё будет хорошо, – беззвучно тараторю себе под нос.

И дышу, дышу, дышу... а воздуха, как на зло, не хватает. Будто кто-то намеренно крадет у меня кислород.

– Заткнулись все! – рявкает Дар, выдавая своё лидерство среди налетчиков. Вскинув руку вверх, он стреляет в потолок и в образовавшейся тишине выкрикивает. – Слышь ты, Веригин?! Мне больше десятка человек тут мило составляют кампанию. Если не хочешь получить свеженькие трупы мирных жителей, готовься выполнять наши требования!

– Ничего у вас не выйдет... ничего у вас не выйдет, – вдруг начинает смеяться Жанна, глядя на налетчиков безумными глазами. – Вас Чернышов за свою жену всех на ленточки порвет. Поняли?! Дураки, а-ха-ха... какие же вы дураки!!! Не на тех нарвались!!!

Идиотка!

Закрываю глаза и несколько раз ударяюсь затылком о стену.

Очень хочется плакать.

Ну за что мне это всё?

– И кто ж у нас такой крутой этот Чернышов? – вдруг тихо уточняет Краб.
 Так тихо и жутко, что я моментально распахиваю ресницы. Вижу, как он присаживается перед Елиной на корточки и тянется рукой к ее лицу.

– Поделись-ка по-дружески, м-мм? - ведет костяшками по щеке.

У меня ледяные мурашки от его голоса по хребту пробегают.

Любой нормальный человек понял бы, что надо быстро замолчать и молиться всем богам, чтобы не прибил ненароком, но Жанну несет.

– Замначальника угро он, вот кто! – выплевывает она, растягивая губы в дикой усмешке.

А в следующую секунду вскрикивает и бьется головой о стену.

Не щадя, преступник лупит ее по лицу. В звенящей тишине поворачивается к нам, остальным заложникам, и тем же тихим мертвым голосом уточняет:

– И кто ж у нас тут жена Чернышова?

Визуал

Маргарита Чернышова, 27 лет, в разводе
 Молодая мама, воспитывает дочку Снежану, которой чуть меньше двух лет.
 Полгода, как вышла из декрета и вернулась на работу в банк.

А вот и **СНЕЖКА**

Глава 3

ПАВЕЛ

– В общем так, мужики, – начинаю совещание, как только опера оккупируют все сидячие места в кабинете. – Приблизительно около двух часов дня возле студии звукозаписи на Пролетарке была похищена дочка нашего глубокоуважаемого мэра. Думаю, объяснять не надо, что это значит.

– Что весь город сейчас на уши поставят. А лично нам спать придется с открытыми глазами и пахать по двадцать четыре часа в сутки, пока не будет результата, – фыркает Кир.

– Совершенно верно, – киваю.

Это при высоком начальстве и генералах мы субординацию соблюдаем и козыряем на раз-два, а внутри своего маленького сложившегося коллектива, когда каждый день спина к спине жизнями одинаково рискуем да под пули лезем, общаемся без погонов. Не до них порой совершенно.

– Погодите-ка, а это не та цыпа, что три недели назад за светилась на камерах, где в одном исподнем и в полном невиновности в фонтане купалась? – щелкает пальцами Серый.

– Точно! Как там ее? Милана? Милена? Миляна? – включается Жэка. – Мля, язык сломаешь, пока имя вспомнишь!

– Вилена, – поправляю его. – И да. Это она.

– Ну зашибись, оторва. Может, и не похищение было? А

сама в закат рванула?

– Нет, не сама, – отрицательно мотаю головой и, щелкнув кнопками, разворачиваю ноутбук. Включаю парням короткое видео одного из очевидцев. Дожидаюсь его окончания и продолжаю, окинув своих орлов взглядом. – Так, по тому, что имеем. Похитителей трое, включая водителя. Машину камеры зафиксировали, но ясное дело, номера грязью заляпаны. Темно-серый или синий логан. Древний, как говно монтажа.

Жэка прыскает, прикрывая рот кулаком.

– Тогда не стоит и удивляться по поводу грязных номеров.

Тоже ухмыляюсь и кладу перед сидящим ближе всех ко мне Михалычем сделанные Зиной распечатки.

– Сань, раздай парням ориентировки.

Непродолжительный шелест и обоснованный комментарий по поводу засветившегося на камеру водилы.

– Ух, какой абориген, бр-р-рр... – снова Жэка.

Ну да, соглашусь, морда зачетная. Круглая, мясистая, с густой длинной бородой, сросшимися на переносице бровями и полным отсутствием интеллекта в маленьких узких глазах.

– Явно залетные, – это Кир.

Мне эта мысль в голову тоже закрадывалась.

– Согласен, такого красавца забыть сложно, – киваю, – Но ты, Зин, – обращаюсь к нашей гениальной компьютерщице, – все равно все базы пробей. Может, кто из мест не столь отдаленных недавно откинулся или переехал.

– Сделаю, Павел Семенович.

Единственная девушка в коллективе к начальству неизменно обращается по имени-отчеству. И сейчас с самым серьезным видом кивает и делает пометки в блокноте.

– Так, дальше, – снова становлюсь серьезным. – Уехать далеко они не могли, похищение видели свидетели, посты закрыли сразу. На данный момент девчонку ищут не только наши, но и спецслужбы, и даже гражданские.

Тихий свист.

– Не хило?!

– Да. Мэр за похищенную дочь объявил вознаграждение. Лям деревянными. Да и без бабла желающих выслужиться перед ним достаточно. Так что долго бегать преступникам не удастся.

– А выкуп уже требовали? – интересуется Серый, подтянув к себе ближе заявление высокопоставленного чиновника.

– Да, требовали, – подтверждаю. – Лям зеленью, кажется. Только наш мэр без шумихи отдавать денежки и забирать ребенка отказался.

– Вот жлоб! Отцовская любовь прям-таки на лицо.

– И не говори, – стебется Кир.

Не комментирую. Хотя согласен полностью. Не дай бог что-то подобное случилось со Снежкой, я ни перед чем бы не остановился и последнее отдал, чтоб ее защитить и вернуть.

Тьфу-тьфу-тьфу. Мысленно стучу себя по лбу.

К чертям такие мысли!

– Значит так, – возвращаюсь к теме. – Работаем в усиленном режиме, шмонаем каждый сантиметр города, трясем стукачей. Нужно заглянуть под каждый камень и сунуть нос в каждую щель, но девчонку к вечеру найти. Только без шума.

– Подставного, который якобы видел похитителей, используем?

– Верно, – смотрю на Жэку. – По отработанной схеме. Подсуетись с очевидцем, пусть он забирает вознаграждение. От нашего глубокоуважаемого, – голосом рисую кавычки, – не убудет.

Этого зажавшегося жирного борова несколько раз обвиняли во взяточничестве, но он неизменно выходил сухим из воды, что открыто говорит о хорошей крыше в столице. Так что не обеднеет "папашка".

– И да, – добавляю, – смотрите, поаккуратней там, чтобы девчонку не зацепило. За живую награда.

– Так точно, товарищ майор! – отвечают опера хором.

Парни уходят, а я, расслабленно откидываюсь на спинку кресла.

Гложет ли меня совесть, что с терпилы-мэра собираюсь поиметь нал? Нет, нисколько. Он сам готов делиться, мы просто пользуемся случаем.

Телефон на столе вибрирует. Прежде чем глянуть, кто там по мне соскучился, смотрю на часы и хмурю брови. У Алены

сегодня первый выпуск программы, где она участвует в роли соведущей ток-шоу.

Как там его? «Давайте поговорим», кажется. Начало в четыре.

Она приглашала прийти ее поддержать. Моя мать, давняя подруга ее матери, согласилась сразу. Я пообещал встретить их уже по окончании, отговорившись делами, которых всегда воз и маленькая тележка, и отвезти отметить это событие в ресторан.

Значит, надо не забыть и столик примерно на восемь заказать. А еще надеяться, что к тому времени вопрос с дочкой мэра будет на финишной прямой. Иначе девочки будут отмечать Алёнкин бенефис чисто женской компанией.

Телефон в руках повторно вибрирует, напоминая, что моего внимания так и не дождались.

Активирую экран.

Смотрю на то, что прислала Рита, бывшая жена. Вчитываюсь в пару коротких предложений. И ни хрена не догоняю.

"Позаботься о Снежке. Скажи ей, что мама ее любит"

Что, мать ети, это значит?

Визуал-2

Павел Чернышов, 35 лет, в разводе,
обожает единственную дочь Снежану.

Заместитель начальника управления уголовного розыска,
майор полиции.

Алена Холоднова, 32 года, не замужем,
ведущая ток-шоу "Давайте поговорим" на местном теле-
видении.

Чуть меньше года назад вернулась в родной город.

Глава 4

ПАВЕЛ

"Позаботься о Снежке. Скажи ей, что мама ее любит"

Что это, мать ети, значит?

Точно не пьяный бред поплывшего мозга. Рита алкоголь не уважает, в отличие от той же Алёнки. Да и на работе она сейчас должна быть.

Трудоголичка чокнутая.

Сколько раз ее за последние месяцы отговаривал, чтобы со Снежкой спокойно дома сидела, гуляла, отдыхала, наслаждалась материнством, на пальцах не сосчитать. И ведь финансы ей это легко позволяют – если мало, добавлю еще.

Но нет.

Уперлась рогом, что не хочет прозябать в четырех стенах, душат они ее, а дочке общение со сверстниками нужно и закалка коллективом, и все равно вышла.

Даже то, что я категорически против, ее не остановило. И это на моей памяти случилось впервые. Тихая, мягкая и послушная женщина, какой я знал ее несколько лет, вдруг продемонстрировала наличие в себе железного стержня, а следом твердость и непреклонность в своем решении.

Пришлось поскрипеть зубами и отступить. Боялся пере-

давить, учитывая, что и так стал невольным инициатором нашего развода.

Глаза снова цепляются за сообщение, и внутри едва ощутимо начинает дергать нерв. Мне совершенно не нравятся те выводы, которые напрашиваются, учитывая посыл фраз.

Будто бывшая жена прощается.

Позаботься... скажи...

Да ну на хрен! Гадать можно до посинения. Только на это у меня нет ни времени, ни желания. Гадания вообще не мой метод. Я к действиям и фактам привык.

Жму на зеленую иконку вызова. Готовлюсь обрушить четкий вопрос: «Что за пессимистичные мысли взбрели в голову бывшей супруге?», но напарываюсь на сухой безликий голос, «радующий», что абонент находится вне зоны действия сети.

И теперь уже более явный холодок пробегает вдоль хребтины.

Маргарита и отключенный телефон?

Бред!

Это не про неё.

Ни разу!

Да она пообедать и поужинать скорее забудет, чем зарядить мобильник. Потому что «Ну а как иначе, Паш? Мне же в любой момент из яслей могут позвонить по поводу Снежки. Я всегда должна быть на связи. Я – мама», – припоминаю ее фразу.

Вот уж чего у бывшей жены не отнять, так это всепоглощающей любви к нашей дочери. Это что-то нереально крутое. Чистое, светлое, безграничное. Не представляю матери лучше нее и ни секунды не жалею, что моего первенца родила именно она.

Стук в дверь прерывает наводящие сумятицу в голове размышления.

– Войдите, – гаркаю, продолжая сжимать телефон в ладони.

– Товарищ майор, здравия желаю! – козыряет старший сержант, замирая на пороге. – Разрешите доложить?

– Докладывай.

– Есть! На пульт охраны только что поступил экстренный сигнал. Вооруженное нападение на банк. Очевидцы рассказывают, что слышали выстрелы.

В мозгу щелкает.

Сообщение Риты. Отключенный телефон. Налет на банк. Да ну нахуй такие совпадения!

А чуйка... чуйка уже шепчет, что всё, братан, северная лисичка подкралась... поздно сжимать булки.

– Адрес у банка какой? – выдыхаю хрипло.

Горло вдруг словно колючая проволока перетягивает и сжимает... сжимает, сцука, не позволяя сделать нормальный вдох.

– Кредо-банк на Чкалова, – ответ острой иглой ввинчивается в мозг.

Сознание застигает красная пелена. Руки сами собой сжимаются в кулаки, и только скрип пластика, предупреждая, что еще немного, и он станет кучкой мусора, заставляет тормознуть.

Пздц!

Ритка... дорогой мой человек, ну почему именно твое отделение?!

Позволяю себе одну-единственную слабость – зажмуриваюсь и с силой растираю лицо ладонями. В следующую секунду беру себя в руки.

Всё. Больше никаких сантиментов.

Работать.

Холодная голова. Трезвый ум.

– Что опергруппа? – уточняю, откатываясь от стола к сейфу и доставая кобуру и табельный.

– Уже выдвинулись на место. СОБР тоже подключили. И Веригин сам лично туда поехал. Он как раз только в здание вошел, когда вызов поступил.

Вопрос, почему узнаю новости практически последним, с повестки снимаю.

– Понял! – захлопываю сейф и срываюсь с места. – Свободен!

– Есть! – вновь козырнув, старший сержант спешит убратся с дороги.

Уже у выхода срываю с вешалки пиджак. Запираю дверь на ключ.

– Зин, я к банку на Чкалова. Парням передай, пусть работают по плану. Если что, сам их наберу, а так я на телефоне, – заглядываю в компьютерную, расположенную дальше по коридору.

– Хорошо, Павел Семенович, – кивает наша светлая голова в глобальном информационном пространстве и, вдруг шире распахнув глаза, уточняет. – Это же ваша жена там работает?

Бывшая жена.

Но язык не поворачивает вносить уточнение. Просто киваю и, закрыв дверь, спешу к лестнице и на выход.

Глава 5

ПАВЕЛ

Пока мчу на Чкалова, вывожу связь на громкую. Набираю няню Снежки.

– Слушаю, Павел Семенович? – произносит помощница Риты после третьего гудка, предварительно поздоровавшись.

– Инна Ивановна, сможете через час забрать Снежану из яслей и побыть с ней до вечера?

Сразу перехожу к делу. Рассусоливать нет времени.

Пара секунд тишины. Неуверенное.

– Э-э-э, да, могу... – и следом более внятное. – Но Маргарита Денисовна говорила, что забирает дочку сегодня сама. Они в парк хотели поехать. Погулять, пока погода теплая, уточек булкой покормить.

Уточек в парке покормить...

Картинка смеющихся дочери и Риты моментально рисуется перед глазами. Снежка бежит, смешно перебирая пухлыми ножками по уже малость пожелтевшей траве. Рита присаживается на корточки и раскрывает дочери свои теплые объятия. Подхватывает ее, едва та оказывается рядом, и аккуратно подкидывает вверх, ловит и кружит под залиvistый счастливый писк детства и непременно зацеловывает в сахарные щечки...

Я даже смех их слышу. Звонкий, чистый, помимо воли

рождающий на губах ответную улыбку.

Сжимаю оплетку руля сильнее.

Вашу Машу! Ну как так-то?

Почему именно с матерью моего ребенка такая хрень произошла?

– У Маргариты Денисовны поменялись планы, – вношу ясность, снова хрипя, и резко торможу на красный. – Если что-то будет не так, сразу мне звоните.

– Да, Павел Семенович, я вас поняла, – няня дочки будто что-то улавливает в моем голосе. Отвечает четко и твердо. – Не переживайте. Я пригляжу за Снежаночкой столько, сколько понадобится.

– Спасибо, Инна Ивановна. Я компенсирую ваше время, – не дожидаясь ответной реплики, сбрасываю вызов и упираюсь взглядом в уже оцепленный машинами пяточок возле отделения банка.

Народу полно. Не столько тех, кто в форме, сколько зевак. Любопытные снимают на камеры всё, что им доступно, и всем не думают о собственной безопасности.

Умно? Отвечать на вопрос не хочется.

Сами же звонили на горячую линию «сто двенадцать» и сообщали о выстрелах, а теперь стоят и совершенно не соображают, что в любой момент могут оказаться мишенью.

Идиоты тупоголовые!

Ритка, надеюсь хоть ты там ведешь себя адекватно?! Только держись, девочка. Не лезь на рожон. Мы обязательно тебя

вытащим. Никак иначе. И не только потому, что Снежка без тебя не сможет и мне никогда не простит, если я облажаюсь. Я сам себе иное не прощу.

Бросив машину возле ограждения, захлопываю дверь и устремляюсь в гущу событий. Сержант, не дожидаясь предьявления мною корочек, все-таки я в штатском и могу быть не узнан, приподнимает оградительную ленту. Приветствует.

Кивнув, изучаю входную часть банка. Асфальт в осколках. Стекла разбиты. Жалюзи колышет ветер. По звукам – тихо. И не факт, что это хороший знак.

Твою ж мать.

Ищу глазами начальство. Нахожу. Веригин стоит вместе с подполковником Чосовым, командиром СОБРа. Оба носами уткнулись в ноутбук. Ясно, просматривают схему здания и записи.

Направляюсь прямиком к ним.

По пути киваю и жму ладони кучкующимся сбоку у автобуса парням из СОБРа. С большей половиной знаком поименно. Они уже в полной боевой готовности. Лица наполовину закрыты.

– Паш, здорово, – Веригин замечает меня на походе и первым протягивает ладонь.

Жму.

– Здравия желаю. Приехал, как только дежурный сообщил, – бросаю коротко и тут же уточняю. – Что уже известно?

– Четверо. У всех ПМ-ы. Заходили в масках. По всему залетные, – отвечает Чосов, пожимая руку и кивая в сторону ноутбука.

Емельянов, старлей, понятливо реагирует – тут же без отмашки включает воспроизведение с начала.
 Смотрю.

– Почему такой обзор неудобный?

– Трансляция со второй камеры. Основная у них пару дней назад забарахлила, потом вообще отключилась, – отчитывается. – Из центрального офиса как раз сегодня собирались приехать, поменять.

Указывает в сторону.

Прослеживаю направление. Там какой-то плюгавик стоит, дрожит, платочком лысину вытирает и в нашу сторону косятся.

– Это кто?

– Представитель банка.

– Ясно.

Трусливый сморчок мне не интересен.

Выясняю важное:

– Переговоры уже вели?

– Вели, – морщится Веригин, – разбитые окна – их ответ.

– По-хорошему не желают?

– Нет, конечно.

– Херово.

– Не то слово. У них по прикидкам от десяти до двадцати заложников. Есть раненые.
 Мысленно матерюсь. Вслух

ставлю руководство в известность:

– А еще внутри моя жена.

– Мля! Рита? – уточняет Анатолий Сергеевич и тут же сам себе кивает. Мол, а кто ж еще? И следом. – Чернышов, даже не думай туда лезть. Я тебе запрещаю!

Ухмыляюсь.

Чосов не комментирует, хлопает по плечу и, потирая ладонью короткий ежик волос на макушке, отходит сторону. Пошел парней предупреждать.

А мне что?

Разве есть выбор?

– Все равно пойду, – говорю тихо, чтобы Веригин слышал.

– Ты...

– Я хочу говорить с Чернышовым! – сиплый выкрик через разбитое окно банка заставляет даже ветер стихнуть. – У меня есть, что ему предложить.

Поворачиваю голову.

Жалюзи частично сдвигаются в сторону. Что внутри – не видно. Но спустя секунду в окне появляется белое, как мел, лицо Риты, к виску которой приставлен пистолет.

Глава 6

ПАВЕЛ

Кир и Михалыч выныривают из с юзом припарковавшейся у оградительной ленты машины, бегут в мою сторону:

– Паш...

– Не сейчас, – обрываю.

Снимаю пиджак, отстёгиваю кобуру. Последнему отдаю в руки оружие. У Михалыча с этим надежнее, чем в банке со вкладками. Каламбур, конечно, в тему.

СОБР на изготовке. Чосов ждет команды.

Переглядываюсь с Веригиным. Тот мне кивает. Ну да, какое теперь «запрещаю»? Преступники самолично перетасовали колоду.

Отказать им – подписать смертный приговор заложникам. Или заложнице, той самой, что всё ещё стоит в окне и смотрит вперед нечитаемым взглядом.

Рита-Рита... держись, девочка.

Вышагиваю вперед.

– Я – майор полиции Чернышов.

Пытаюсь поймать взгляд бывшей жены, но она словно меня не замечает. Смотрит сквозь. Как неживая.
Хреновая тема, если она *настолько* напугана.

– Руки подними, Чернышов.

Все тот же сиплый голос полон издевки.

Пропускаю ее мимо ушей и выполняю требование. Параллельно пытаюсь сообразить, слышал ли его когда-нибудь прежде. Теперь, когда преступники для переговоров выбрали именно меня, нельзя исключать версию мести.

Копаясь в голове, но вариантов не подбирается.

Нет, именно такого тембра точно не припоминаю. Хотя, уверен, если бы прежде сталкивался, однозначно запомнил. Он необычный, цепляющий.

Опираясь на голос, по старой привычке вырисовываю в голове предполагаемый портрет владельца. Лет сорок – сорок пять, худой, не особо высокий, жесткий, матерый.

Плохо это или хорошо? – пока непонятно.

Никогда не знаешь, кто при штурме создаст больше проблем: хладнокровный бандит, которого ничто не остановит в попытке не дать в руки полиции, или психически неуравновешенный тип, на истерике легко открывающий пальбу по всем движущимся объектам, в том числе мирным гражданам.

– Повернись.

Новая команда.

И снова исполняю без задержки. Медленно поворачиваюсь, позволяя себя рассмотреть.

– Рубаху из штанов выдерни.

Да твою ж налево, какой ты, однако, продуман.

И это делаю.

– Ладно, опускай. Сейчас дверь откроем, – следуют новые

вводные. – Ты заходишь медленно и без глупостей. Один. На всякий случай предупреждаю, что помимо твоей любимой жёнушки у меня еще достаточно тех, кого я не успел пока наspiговать патронами.

Сука.

Почему-то сомневаться в легко и непринужденно произнесенной фразе не получается. Будет повод – он действительно наspiгует.

По ходу, не впервой.

Это совсем хреново.

Зато вариант, что это ограбление как-то связано конкретно со мной, не подтверждается.

Если бы бандиты знали меня лично, они бы не назвали Риту любимой женой, потому что в моем доме уже несколько месяцев живет другая женщина.

Лязг металлического засова отключает все лишние мысли.

Ступаю на крыльцо, делаю длинный глубокий вдох и берусь за ручку двери. Дергаю на себя, и она беззвучно поддается.

Ну, всё, теперь только вперед.

И к черту неуверенность и страхи.

Пора вспомнить, что мне уже приходилось быть переговорщиком и вполне неплохим. Правда, в тех случаях в заложниках не было никого из моих близких.

Следующие полчаса по ощущениям растягиваются на ча-

сы. Результатом встречи становится освобождение двух заложников. Раненого в живот охранника, потерявшего сознание от потери крови, и молодой женщины с ножевыми ранениями на шее и лице. Тоже без сознания.

Отдают мне их не потому, что я охренный мужик, сумевший пробиться к человечности тварей, а потому что кровь, видите ли, портит настроение одного из налетчиков.

Твари!

– Чернышов, у тебя три часа, чтобы довести до руководства наши требования и убедить их выполнить всё в точности, – прежде чем выпустить меня назад на улицу, сипло заявляет вожак головорезов, – в противном случае за каждые полчаса задержки вы будете получать все новых и новых жертв нашего нетерпения.

– Я понял. Всё доведу.

– Это хорошо, что ты понятливый. Потому что кто знает, вдруг одной из новых жертв окажется твоя очень миленькая и симпатичненькая жёнушка...

Стискиваю зубы и молчу.

Это еще не конец. За все слова и угрозы гнида ответит.

Глава 7

МАРГАРИТА

Я думала ужас был тогда, когда бандит окинул нас всех своим страшным, словно мертвым взглядом, но нет.

Это были цветочки.

Ягодки наступают в тот момент, когда он достает складной нож и выщелкивает лезвие. Не опасаясь, что кто-то дернется, перехватит или выбьет оружие из рук, он неспеша проверяет его балансировку, ногтем чиркает по острой кромке, цыкает довольно и незаметным движением подкидывает его вверх.

Нереально поймать, не поранившись, но он делает это играючи, четко ухватив опасный предмет за деревянную рукоятку.

Мне кажется, что он даже улыбается под своей чертовой непроницаемой маской, скрывающей всё лицо, кроме глаз, когда понимает, с каким страхом и затаенным дыханием мы все до единого глядим за его коротким, но зрелищным представлением.

А мы глядим.

Да.

Открыв рты и боясь лишний раз моргнуть.

Даже Жанна, подавившись всхлипом на вдохе, сжимается в еще более компактную пружину и дико вытаращивает

глаза.

– Испугалась? – уточняет преступник, вновь возвращая ей внимание.

В этот раз Елину на ответ словами не хватает.

Словно все мышцы задеревенели, она медленно пару раз наклоняет голову вниз. И моментально втягивает ее в плечи, стремясь слиться со стеной, едва Краб резко подается к ней ближе.

– Это правильно, кукла. Нас надо бояться, – хмыкает бандит. Неспеша переводит взгляд с ее лица на нож в своей ладони, затем снова на нее, но уже без улыбки. – Только, видишь ли, какая проблема, красивая. Раз уж ты так громко всем нам сказала «А», то договаривай теперь уж и «Б». Кто тут у нас Чернышова, жёнушка крутого мента? М-мм?

Жанна приоткрывает рот, скашивает глаза в мою сторону, затем на остальных, даже на сидящую рядом с ней Светлану Петровну смотрит... и не издает ни звука. Лишь медленно качает головой.

Наблюдаю за ее движениями будто в замедленной съемке.

– П-простите... й-а... – сглатывает, – я, не подумав, сказала. Глупость.

Господи, осознала. Вижу по ее расширившимся в испуге глазам, белому, как мел, лицу, и тому дикому сожалению, что мелькает во взгляде.

Вот только Краб не ведется. Он звучно щелкает языком. Раз. Второй. Третий.

Как отсчет секунд перед началом конца.

Прищуривается.

— Глупость? Не подумав? Разве? — медленно проговаривает вопрос за вопросом, не сводя с нее взгляда. — А мне кажется ты была очень убедительна, нас пугая. Подтверди, Дар?

— Ага, очень сильно. Мы чуть ляжки не обмочили от страха, — сипит главарь, не отрывая глаз от экрана мобильного.

Краб выслушивает его ответ и вкрадчиво продолжает:

— Похоже, кукла, у тебя проблемы с памятью... но не волнуйся, я помогу тебе ее восстановить...

Не только я. Мне кажется, никто не успевает просчитать дальнейшего.

Секунда.

Резкий взмах бандитской руки. Блеск отразившего свет лезвия ножа. Дико расширившиеся глаза Жанны.

Еще секунда.

И я глохну от пронзительного визга. А может быть это ору я сама, или другие. Я не знаю. Не вижу. Не понимаю.

Левую щеку Елиной пересекает длинный порез. Наискосок. От виска к уголку рта.

Еще секунда.

И тонкая красная полоса превращается в жуткую рану, из которой течет кровь.

Мамочки, как много крови.

Зажимаю рот ладонями. А их трясет, как в лихорадке. Или меня колотит. Мозг не успевает обрабатывать инфор-

мацию.

Взор застилают слезы, но сквозь них все равно вижу, как бандит в очередной раз заносит руку.

– Я! Я – Чернышова! Пожалуйста, я – Чернышова! – хриплю не своим голосом.

Всё остальное происходит как во сне.

Меня хватают за шкурку и велят встать – я встаю.

Мне велят идти – я иду.

Мне велят замереть и не шевелиться – я исполняю всё в точности.

Перед глазами туман. И в этом тумане Жанна. Жанна, теряющая сознание. Не то от шока, не то от ножевых ранений.

Почему-то я больше не верю, что нам удастся спастись. Нас захватили не бандиты, а маньяки. Один из четверых – точно.

Глава 8

ПАВЕЛ

Двести миллионов, коридор до вертолетной площадки и, конечно же, сам вертолет с полным баком.

Сиплый, как я для себя обозначаю жожака, даже марку вертушки мне называет. Bell-407.

Не ленюсь, открываю технические характеристики и понимаю, почему именно он. Дальность полета у него составляет шестьсот двадцать пять километров при крейсерской скорости двести двадцать километров в час – наилучшие показатели из возможных. Тот же АНСАТ может покрыть только триста семьдесят, и скорость его ниже. Выводы очевидны.

– На исполнение нам дают три часа, – озвучиваю последнее, но не менее важное требование налетчиков.

Все как один смотрим на часы.

– К семи, значит, – подводит итог Веригин.

– Не успеем, – выдает без раздумий подтянувшийся за время моего отсутствия заместитель губернатора области. – Да нет, господа. Не успеем точно. Это ж нереально.

– А вы напрягитесь и сделайте сказку былью, – проговариваю холодно, прошивая его колючим взглядом насквозь, – иначе вот таких вот расписных ножичками девочек и продырявленных пулями мальчиков станет намного больше.

Указываю на уносящуюся с мигалками карету скорой по-

мощи. Чиновник прослеживает мой взгляд и, достав из кармана носовой платок, протирает виски, лоб и шею.

Вспотел бедненький. А если б вместо заложников его в банк засунули, штаны б обмочил?

– Мы постараемся, Анатолий Сергеевич, – мямлит он невнятно, отвечая на мою фразу, но обращаясь при этом к начальнику управления МВД. – Свяжемся с частным авиаклубом и...

– Свяжитесь, Геннадий Максимович, свяжитесь, – кивает Веригин, не дослушав, и жестом велит Емельянову позвать плюгавика из банка.

– Слушаю вас внимательно? – банковский служака появляется через пару секунд.

– Для операции нужны двести миллионов рублей, – Анатолий Сергеевич не привык рассусоливать, потому сразу переходит к сути. – Свяжитесь с руководством, компетентным для принятия такого уровня решений.

– Х-хорошо, – сипит задохлик и тоже платочек вынимает. Мля... сговорились они что ли?

Мобильник в кармане вибрирует. Достаю, смотрю на имя абонента.

– Я отойду. Важный разговор, – предупреждаю начальство.

По пути перехватываю Кира, стреляю сигарету, потом забираю всю пачку и зажигалку. Бросил пагубную привычку, когда Снежка родилась, но сейчас без пары затяжек вредно-

го допинга не обойтись.

Нервы на пределе.

Сука. Перед глазами до сих пор стоит неживое лицо Риты. Испуганная, одинокая и не верящая в благополучный исход девочка. Моя девочка, даже если мы не вместе. Последнее вторично, потому что я обеих – ее и дочь давал слово защищать. Без срока давности.

И то, что сейчас происходит: будто я слово не держу, жрёт меня изнутри поедом.

– Слушаю, Инна Ивановна, – принимаю звонок от няни.

– Павел Семенович, я звоню доложить. Снежаночку забрала, мы уже дома. В саду ее накормили, сейчас будем на дневной сон укладывать. Так что не волнуйтесь, у нас все хорошо, – произносит женщина четко и по делу.

Выпускаю дым и на несколько мгновений прикрываю глаза.

Ну хоть у принцессы всё по плану, без про..бов.

– Спасибо, что предупредили. Я понял.

Слышу воркование дочери на заднем плане. Про любимую мягкую куклу что-то, немного коверкая слова, рассказывает. Вроде как с собой спать ее тащит.

В сердце теплеет. И пружина, сжавшая внутренности, слегка ослабевает.

– Вы не будете против, если мы со Снежей часиков в шесть сходим во двор на детскую площадку погулять? – интересуется няня, до того, как я отключаюсь, и следом поясняет. –

Пока погода хорошая, а то через пару дней уже дожди обещают.

Ну раз обещают...

– Не буду против, – отзываюсь хрипло, растирая шею. – Только телефон всегда при себе держите.

– Конечно-конечно, Павел Семенович, – заверяет женщина. – Он всегда со мной. Тогда до встречи.

– До встречи, – повторяю и сбрасываю звонок.

Убираю мобильник в карман, но тот вновь вибрирует. Выдыхаю, снова достаю и смотрю имя абонента.

Алёна.

В голове мелькает мысль отбиться и отложить разговор на попозже, но я ее откидываю. Пальцами показываю приближающемуся Киру, чтобы дал пять минут еще, и кидаю в трубку:

– Слушаю, Алён.

– Паш, у тебя как там с делами? Окошко случайно не нарисовалось, чтобы прийти и меня поддержать? – игриво интересуется Холоднова.

– Нет, прости. Ничего не выйдет.

Отвернувшись от ветра, складываю ладони лодочкой и чиркаю пьезой. Втягиваю горький дым.

– Ой, ясно... большой начальник весь в делах, – весело журчит женский голосок. – Ну хоть к завершению-то появишься?

– Я не уверен...

– Паш, да какое «не уверен»? Это неправильный ответ! Я его не принимаю! – Холоднова старается смеяться, но выходит не особо естественно. Скорее, натужно. – Надо сказать: «Конечно, любимая, я буду!». И потом, у нас же на этот вечер такие планы были... забыл что ли? Сначала с мамами отметить, потом дома романтик устроить...

Растираю переносицу большим и указательным пальцами. Совсем из головы вылетело, что ресторан я так и не заказал.

– Алён, столик я вам организую и оплачу, не переживай по этому поводу. Все данные тебе перешлю, отпразднуешь с родителями, повеселишься. Я на девяносто девять процентов не смогу быть, проблемы на работе. Но мы с тобой обязательно отметим твой успех в другой раз, окей?

– Не поняла?! В какой другой раз, Чернышов? – вся игривость из голоса Холодной пропадает окончательно, появляется недовольство.

В какой-то степени я ее понимаю: она на меня рассчитывала, я подвел...

Но я ни секунды не думаю над выбором, где мне быть вечером.

– Алён, я на операции сейчас, у меня захват заложников, и когда всё завершится, неизвестно. Впрочем, когда завершится, я тоже буду занят.

– И чем же позволь узнать? – а вот это совсем ехидно звучит.

С большой-пребольшой претензией. А слова про мои де-

ла, кажется, она вообще мимо ушей пропускает.

– Дочерью буду занят. Я сегодня Снежке нужен, – говорю твердо.

– В смысле Снежке, Павел?! – всплеск негодования бьет по ушам. – С какой стати ты ей потребовался именно сегодня, в *мой день*, если и так каждые выходные ты проводишь в доме бывшей? Это твоя жена что-то там придумала, да, чтобы мне отомстить?

Мля...

Закатываю глаза и, когда отвечаю, неосознанно понижаю температуру голоса на десяток градусов. Терпеть не могу бабские истерики на пустом месте.

– Рита тут ни при чем, Алёна. Не говори того, о чем позже будешь жалеть.

– Ну да конечно! – смеется она желчно. – Жалеть буду я, а Селиванова ни при чем! Миленько.

Чем больше разогревается и заводится Холоднова, тем сильнее остываю я.

– У Риты фамилия Чернышова, а не Селиванова. Это раз, – выдыхаю отрывисто. – Рита ничего против тебя не придумывала, потому что ей этого не надо. Она сама меня к тебе отпустила. Это два. И три, Алена. Между тобой и дочерью я всегда буду выбирать дочь. Когда мы решили быть вместе, я тебя об этом предупреждал. И ты согласилась.

– Да, но я думала, что ты...

– Ресторан закажу, не волнуйся. Если не приеду ночевать,

предупрежу. А сейчас мне действительно некогда, – не даю ей возможности вставить хоть слово и накрутить меня окончательно. Сбрасываю вызов.

– Проблемы? – прищуривается Михалыч, приближаясь и возвращая мне оружие.

– Ерунда, – отмахиваюсь и киваю в сторону банка. – Главное, Риту вытащить.

И да, мы ее вытаскиваем, как и остальных заложников. Операция проходит не совсем гладко, даже со скрипом. Есть пострадавшие. Около шести раненых. Как из мирных граждан, так и из военных. Но, слава богу, больше ни одного двухсотого.

Моя бывшая жена отделяется небольшим растяжением запястья, синяками и ссадинами, сотрясением мозга легкой степени тяжести и сильным нервным срывом.

Учитывая, что ее выкидывают из машины прямо нам под колеса, чтобы отцепить «хвост», счастье, что она остается жива и физически почти здорова. Но все равно я договариваюсь, чтобы ее оставили на ночь в больнице и обязательно дали пообщаться с психологом.

Глава 9

ПАВЕЛ

– Пал Семёныч, я всё понимаю, нервы, стресс, но и вы нас поймите. Нам тоже надо свою работу делать, а вы палки в колеса ставите и затягиваете собственный процесс выздоровления.

Титов, главный врач областной больницы, куда забрали всех пострадавших, останавливается у меня за плечом и тоже заглядывает в приоткрытую дверь палаты, где после капельницы и таблеток спит Рита.

– Видите, с вашей супругой всё в порядке, она отдыхает. И до утра ситуация не изменится, снотворное сильнодействующее. Нет смысла вам здесь находиться.

– А вдруг она...

– И переживать не стоит, – перебивает монотонным голосом. – Медсестры на смене опытные, за ней присмотрят и одну не оставят. Пойдемте уже, – кивает в сторону коридора, – нужно обработать и вашу рану тоже. Всё плечо в крови. Разве это дело?

– Ерунда, всего лишь царапина, – отмахиваюсь и, поймав его взгляд своим, в свою очередь интересуюсь. – Роберт Михайлович, вы уверены, что одного дня в больнице Маргарите будет достаточно? Может, стоит оставить ее под наблюдением специалистов подольше? Если что, я готов оплатить от-

дельную палату.

– Ни секунды не сомневаюсь, Пал Семеныч, в вашей пла-тежеспособности.

На удивление, Титов сегодня безмерно терпелив.

То, как он умеет распекаать начинающий лениться персонал или зарвавшихся, понимающих больше врачей пациентов, знают все, кто хоть однажды имел с ним дело. Но сейчас он не рычит, а объясняет спокойно.

– Паулина Захаровна Палий, психолог, которая общалась с вашей супругой до того, как ей дали снотворное, по итогу встречи настоятельно рекомендовала даже из благих целей не давить на Маргариту Денисовну. Ни в коем случае. А ее опыту и знаниям, поверьте, стоит доверять.

– То есть мою жену ждёт выписка и точка? – подвожу итог.

Титов закладывает руки за спину, но взгляда не отводит.

– Мы, конечно, предложим ей стационар, но если она скажет, что в родных стенах ей находиться морально комфортнее, то да, препятствовать выписке не станем. Тем более, физически она почти здорова.

– Почти.

На мою ремарку Роберт Михайлович позволяет себе легкую гримасу.

– Не нужно ловить меня на слове, Павел Семенович, – дергает уголком рта вверх. – Последние итоги международного проекта GBD показали, что девяносто пять процентов населения нашей планеты страдают от того или иного забо-

левания, и примерно треть из них являются носителями сразу пяти и более болезней. Хотите обсудить эти показатели подробнее?

Кривовато выгибает бровь.

Провожу костяшками пальцев неповрежденной руки по подбородку и отрицательно мотаю головой.

– Нет, не очень.

Титов ухмыляется шире.

– Я так и думал. А теперь прошу проследовать в процедурный, где вас давно ждут. Номер кабинета – двести двадцать один. Это второй этаж, левая сторона.

Главврач вновь указывает мне направление и, для ускорения принятия решения, притворяет дверь в палату Риты.

Сам понимаю, что сидеть в больнице и дальше – глупо. Дел еще по горло. С той же дочкой мэра вопрос не до конца закрыт. Парни ждут отмашки по свидетелю. По налету на банк бумаги готовить надо. Да и Снежка дома одна. Нет, конечно, она с няней, но злоупотреблять временем Инны Ивановны сверх меры не стоит.

Потому подавляю потребность скрипнуть зубами и, кивнув, протягиваю Титову руку.

Тот без задержки ее пожимает.

– Тогда до завтра. И предупредите меня, если Маргарита будет настаивать на выписке, – прошу прежде, чем отправиться искать нужный кабинет.

– Хорошо, Пал Семеныч. Сделаем.

Пятнадцать минут и шесть швов спустя выхожу из процедурного.

Пока спускаюсь на первый этаж, решаю вопрос по Вилене. Уже через пару часов ее вернут папочке, и одним геморроем станет меньше.

Следом набираю Зинаиду.

Девять вечера, а трубку Ясина снимает после второго гудка. И голос звучит без бабских вздохов и капризов.

– Слушаю, Павел Семенович?

– Зин, надо будет завтра с утра кое-какую информацию пробить. Я тебе сейчас файл на почту перешлю, глянешь.

– Поняла. Без проблем всё сделаю.

– Отлично. Спасибо.

– Вы завтра утром будете в управлении?

– Постараюсь. Но, если что, на телефоне. И да, как что-то узнаешь, звони без раздумий.

– Хорошо.

Сбрасываю вызов как раз в тот момент, когда выхожу в фойе. У приемного покоя стягиваю с себя халат. Отдаю его медсестре. Прощаюсь.

Перед тем как покинуть здание, иду к аппарату, чтобы купить бутылку воды.

– Паша!

Голос матери узнаю даже спиной.

Оборачиваюсь.

Глава 10

ПАВЕЛ

– А ты что здесь делаешь? – приближаюсь к ней, когда вендинговый аппарат выдает мне желаемое.

– Как что, сын? Приехала узнать о состоянии моей бывшей невестки, матери моей единственной внучки, – мать смотрит на меня как на чумного или двухголового. Даже не знаю, что безопаснее предпочесть. – По телефону, оказывается, такую информацию они не дают, – проговаривает она твердо, чтобы каждая буква каждого слова до меня непременно дошла. – А мы все же с Ритой не чужие друг другу люди, пусть вы и развелись. И вообще... вдруг девочке что-то нужно, а я, как женщина, могу помочь.

Тираду принимаю молча и не перебивая.

Заслужил.

Мать с Ритой действительно неплохо общались, пока мы были в браке. Подружками не стали – это да. Но не потому, что мешала материнская ревность или нежелание моей жены сближаться с моей родительницей.

Скорее, наоборот.

Но больше – полное несовпадение характеров.

Если можно так выразиться, Рита старалась быть чересчур идеальной супругой – покладистой, тихой, удобной и заранее согласной на всё, чего бы я не предложил. Будто, женившись

на ней, я уже совершил подвиг, и теперь все ждут подвига от нее.

А мать, волевая женщина, много лет отработавшая в комитете образования на одной из руководящих должностей и воспитавшая меня в одиночку — отец рано умер, — ждала от Риты проявления твердости воли, стойкости характера и того внутреннего стержня, который показал бы, что та — достойный партнер ее сына. Равный, сильный, готовый не просто лебезить и заглядывать в рот, будучи рядом, а поддерживать, помогать, а иногда и направлять. Да что там — дать по шапке, если попытаю берега.

В общем, неудивительно, что бесхребетная амеба, как Риту называла мать, и тиран в юбке, как мать величала Рита, не подружились. Но они поступили мудрее: сошлись на том, что обе любят меня, и, признав допустимость несовершенства друг друга, наладили отношения между собой так, как комфортно было им обоим.

Я не вмешивался и нисколько об этом не жалею. Пусть они диаметрально разные, но обе не безголовые, что успели множество раз доказать.

Но, что удивительно, после развода мать к Рите даже потеплела.

Произошло это в тот момент, когда тихая и уступчивая бывшая жена вдруг показала зубы, острые и опасные, и четко, лаконично и требовательно расписала, что можно, а чего категорически нельзя допускать в отношении Снежаны.

И заставила нас эти правила принять.

– Рита несильно пострадала физически, – возвращаясь к разговору и озвучивая то, что сам недавно выслушал от Титова. – Что касается психического состояния – тут неоднозначно. Завтра с ней повторно будет общаться психолог. Может быть, понадобится дополнительная помощь специалиста. Но решение исключительно за ней. Давить и настаивать запретили.

– Бедная девочка, – выдыхает мать, растирая висок и заглядывая мне в глаза. – Ты же у нее был, да?

– Конечно. Вот только перед тобой спустился.

– Она?..

– Сейчас спит под снотворным, – правильно понимаю вопрос.

– Ясно. Значит, меня проведать не пустят...

Отрицательно качаю головой.

– В этом нет смысла.

Повторять про сон и лекарства дважды – лишнее. Мать и сама это понимает.

Жестом указываю ей в сторону выхода, и первым устремляюсь вперед. Почему-то больничные стены давят. Хочется выйти на улицу и поскорее глотнуть прохладного вечернего воздуха. Пусть загазованного, но хотя бы без примеси лекарств.

Произошедшее несколько часов назад пока так до конца и не отпускает.

Придерживаю дверь и убираю руку, едва мать выходит на крыльцо.

– Господи, – растирает она ладонью лоб, отходя в сторону, чтобы не загораживать проход для других. Позднее время для больницы – не показатель начала тишины. Движение интенсивное. – И хотела бы сказать, что лучше б Рита дома сидела и Снежкой занималась, а не работала с таким рвением, будто дома денег на хлеб не хватает, но не могу. От всего в этой жизни не защитишься. Да и сама я в свое время так же рано выскочила из декрета, когда твой отец погиб. Что угодно готова была делать, только бы находиться среди людей, а не быть в одиночестве в четырех стенах.

Да ё-о-об!..

Вот уж не думал, что родительница будет такие аналогии проводить.

– Я не погиб, мама, я живой, – напоминаю сквозь зубы, стараясь не скрипеть челюстями.

– Для меня – да, ты рядом, – тут же соглашается она, но не успеваю вздохнуть с облегчением, как слышу продолжение. – А для нее, сын, ты оказался потерян. И это чертовски больно, почти смертельно, особенно когда *так* любят.

Блть! Вот вообще не в тему, не вовремя и не к месту вспоминать прошлое!

Однако и молчать не вариант.

– Она сама настояла на разводе.

– Верно, сама, – мать снова кивает, ловя мой взгляд. –

И правильно сделала. Сколько бы девочка выдержала с таким-то настроением да в постоянном напряжении?..

Вопрос не требует ответа, потому что мы оба его знаем.

– Кстати, а как ты узнала, что Рита здесь? – решаю сменить неприятную тему на безопасную.

Глава 11

ПАВЕЛ

– Как откуда, Паш? Из новостей, естественно.

Мне достается мамино фыркание, потому что я вынимаю из кармана пачку и зажигалку, чтобы прикурить. Да, все-таки купил своё, чтобы постоянно не стрелять у парней.

Сейчас мне так надо, так легче.

А чуть позже обязательно брошу.

– Мам, ты ж телевизор не смотришь, – решаю подколоть.

– А этого и не требовалось, – новый хмык и продолжение.

– Мне все новости Ольга по дороге в ресторан выложила.

– М-мм... и какие?

Спрашиваю больше для поддержания беседы, чем ради истинного интереса. Вряд ли что-то новое услышу.

На секунду отворачиваюсь в сторону, защищая пламя от ветра. Втягиваю в легкие горький едкий дым и блаженно прикрываю глаза.

Хорошо.

Вымотался, как собака. Еще и плечо ныть начинает, хотя обещали, что обезболы будут действовать часа два точно. Походу, не в моем случае.

Ладно. Надо не забыть таблетки в машине проверить, вдруг уже кончились, и в круглосуточную аптеку по пути к Снежке заскочить. На всякий. Бессонная ночь как-то зара-

нее не впечатляет.

– Естественно, что Алёнка расстроена до слез, Паш, – слышу вполне ожидаемый ответ.

– Ну понятно, – не сдерживаю ехидства.

– Нет, ты все равно послушай.

– Внимаю, куда ж деваться?!

Легче на пять минут предоставить бесплатные уши, чем полчаса бодаться, а после все равно предоставлять те же самые уши.

– Паш, представляешь. Мало того, что ты девчонку из-за своей работы в такой судьбоносный для нее день бортанул и в ресторан ехать отказался, так ограбление банка еще и все рейтинги ее нового шоу обрушило. Алёна в трауре.

– В смысле?

– Видите ли, зрители, бестолочи, вместо того чтобы с компанией диванных экспертов в чужом грязном белье копать-ся, выбрали внимательно следить за ходом операции по задержанию преступников и освобождению заложников.

На последних словах мать, которая прекрасно ладит с обеими Холодновыми, кривит губы, не скрывая разочарования.

Не одобряет претензии Ольги Геннадьевны? Да ладно.

Не могу удержать ухмылку.

Приятно, черт возьми, что ее эмоциями рулит не слепая дружба, а человеческое сострадание.

И все же закидываю удочку.

– Вы ж не разругались с подружкой?

Мать с Ольгой Геннадьевной Холодной дружит пятнадцать лет, как минимум. Они даже в отпуск одновременно ходят и на юг на пару летают. И Алёну она привечает. Не как вторую дочь, конечно, но что-то близкое к родной племяннице, о которой переживаешь.

– Нет, мне было не до того, – отмахивается родительница и спокойно дорассказывает. – В общем, узнав про ЧП, я залезла в сеть, нашла новостной ролик, увидела знакомое отделение банка, сразу подумала про Риту и позвонила по экстренному номеру, указанному для родственников. Так и выяснила, что она здесь.

– И даже из ресторана сбежала? – выгибаю бровь.

Это действительно поразительно.

– Говорю ж, по телефону сведений не давали, – с нажимом повторяет мать уже ранее сказанное и вдруг приглушенно охает. – Сын?!

– Ты чего?

Отслеживаю ее взгляд и понимаю: заметила кровь на пи-джаме.

Вот черт!

– Не кипишуй, царапина вообще ерундовая.

– Пашка!

– Не Пашкай, – отмахиваюсь. – У врача был, помыли, зашили, домой отпустили, так что нечего паниковать. И вообще, мне ехать пора.

– Опять на работу? – неодобрительно качает головой. –

Или все же в ресторан? – секунду раздумывает и уверенно кивает. – По сути, ты туда вполне успеваешь. Я, когда уходила, там и Каславский только-только подъехал, и еще какие-то друзья и подруги Алёнки. Часа два точно еще просидят, а может и дольше.

– Пф-ф-ф... мам, ну, ты о чем вообще? Какой ресторан, на х..рен, – исправляюсь в последний момент. – Я к Снежке домой еду.

– К Снежке... – мать растирает виски, снова кивает, – а и правильно, сынок. К дочери – самое оно. Да и отдохнуть тебе нужно.

Снова на руку косится.

Мысленно усмехаюсь. Она любой вариант одобрит, только бы не на работу мчался. Уж как угро ненавидит – боже мой, но молчит партизаном, знает, что уволиться не переубедит, только лишний раз поругаемся.

– Слушай, Паш, если хочешь, я с тобой поеду, с внучкой подсоблю, а ты отоспишься нормально.

– Не надо. Мы сами справимся.

– Уверен?

– Да.

– А если я Снежку к себе заберу, м-м? Тебе ж так еще лучше будет. И с утра не придется сломя голову носиться.

– Не заберешь, – мотаю головой. – Не забывай условие Риты, мам, дочка всегда ночует у себя дома.

– Подумаешь, разок нарушим правило. Да она и не узнает,

– берется рьяно убеждать. – А утром я сама нашу принцессу в садик отвезу. Всё будет в порядке. Тебя же вырастила и ничего.

Даже не раздумываю.

– Нет. Я Рите слово давал и сдержу его. Никакого обмана.

Тяжело вздыхает, но больше не уговаривает. Знает, бесполезно.

А я вспоминаю еще одно условие, выдвинутое бывшей супругой, которое я тоже принял и выполняю: пока официально не женюсь на Холодной, Снежку с ней не знакомлю. Ни при каких обстоятельствах и случайностях.

«Проходных женщин держи в стороне от нашей дочери и не ломай ей психику», – помню слова Риты.

Ох, как Алёну в первое время плющило, когда она это слышала.

Шипела не хуже заправской змеи. И на угрозы, и на шантаж шла, чтобы исправить ситуацию. Потом и лесть использовала, и хитрость, и ласку подключала.

Я даже всерьез задумался, что ее больше в отказе зацепило: невозможность проводить выходной день вместе со мной и моим ребенком? Или всё же невозможность раздражать Риту своим присутствием рядом со мной во время моего общения с дочерью?

Хорошо, потом она успокоилась и привыкла.

– Тебе такси вызвать? – уточняю у матери, прежде чем уйти.

Ехать нам в противоположные стороны. Ее квартира находится в старом центре, а Снежка с Ритой живут в новом современном районе за рекой. После развода я оставил девочкам двушку, в которой мы жили в браке, а сам перебрался в однушку, что осталась от отца, и я ее долгое время сдавал.

– Нет, сынок, поезжай. Я сама справлюсь, – мать тянет меня за лацкан и, как только наклоняюсь, целует в щеку. – И принцессу от меня обязательно обними.

– Непременно, мам, – дарю ей ответный «чмок» и, махнув здоровой рукой на прощанье, устремляюсь в сторону стоянки.

Глава 12

МАРГАРИТА

Из состояния сна в реальность вынырываю рывком. Резко. Будто из черной дыры выскальзываю.

Не помню, чтобы хоть что-то снилось – ни хорошее, ни плохое, но сердце стучит гулко, заполошно, и кожа под казенной ночнушкой липкой пленкой пота покрыта.

Стискивая одеяло на груди, до предела наполняю легкие воздухом и медленно сквозь зубы его выпускаю.

Осматриваюсь.

Бледно-зеленые крашенные стены, пластиковое окно открыто на проветривание, белые тканевые жалюзи едва заметно колышутся, легкий запах химии и лекарств.

Точно.

Я в больнице.

Жива.

Кошмар с налетчиками остался позади.

Остался же?

Перед глазами мелькает лицо Жанны; Вениамин Егорович без сознания с раной в животе; Глеб, прикрывший Светлану Петровну и получивший пулю в плечо; женщина-клиентка, не справившаяся с эмоциями и закричавшая, а потом рухнувшая, как подкошенная, на пол с одного удара по шее. Следом погоня. И то, как меня, ничего не понимающую, при-

поднимают за шкуру с пола минивэна и, не слушая мольбу отпустить, вышвыривают из машины. Прямо на скорости на бетонные плиты. Под колеса других машин.

Вижу это настолько явно, что вздрагиваю всем телом. Оно тут же отзывается болью.

Но лучше так: синяки, ссадины, растяжения и прочее, чем...

Нет, не хочу думать.

Не хочу вспоминать.

Откидываю одеяло в сторону. На секундочку зажимаюсь и, игнорируя слабость и головокружение, сопровождающиеся битьем молоточков аккуратно по вискам и затылку, принимаю сидячее положение.

Не успеваю коснуться ногами пола, как атакует тошнота. Желчь едкой субстанцией устремляется по пищеводу вверх. Спазм перехватывает горло. Бросает в жар и сразу прошибает потом. Охнув, зажимаю ладонью рот и бегу к туалету.

На моё счастье, выходить в общий коридор не надо. В платных палатах он предусмотрен внутри. Небольшой, но включающий все необходимое, в том числе душ.

Успеваю упасть на колени. Полощет так, что слезы ручьем. И это несмотря на то, что весь день ничего не ела, а вечером в больнице пила только горячий чай.

– Ничего-ничего, всё хорошо будет, милая.

Не помню, в какой момент появляется медсестра. Она придерживает волосы и после, когда спазмы сходят на нет,

помогает подняться и умыться.

– Спасибо, – благодарю сипло.

Горло дерет, будто наждачку глотала.

– Да было б за что, – отмахивается женщина. На вид ей около шестидесяти. Пухленькая, глаза добрые-добрые и руки сильные. – Давай-ка помогу дойти до кровати.

Придерживает меня за локоть, аккуратно тянет.

Киваю, а потом бросаю взгляд на душ.

Жадный. Долгий.

Даже то, что от слабости потряхивает, не отодвигает желание смыть с себя вчерашний день и всю грязь, не только физическую, но и ментальную.

– Я бы хотела ополоснуться...

– Уверена?

Думаю не больше пары секунд.

– Да... только, – закусываю губу, – у меня чистой одежды нет.

Вчера вечером вообще о сменном белье не думала. Не до того было. А сегодня... представляю, что придется надевать то, в чем по земле валялась, и снова мутит...

– Есть. Есть одежда, милая. Муж твой только что привез. Через девчонок в приемном покое передал, я поэтому к тебе и заглянула. Занесла да в кресле оставила.

Указывает в сторону приоткрытой двери в палату.

– О-у, да?

Не знаю, что удивляет больше. Слова медсестры или такое

внимание со стороны Павла.

Хотя с чего бы удивляться последнему?

Чернышов всегда, сколько его помню, был чутким и отзывчивым, подмечал детали, просчитывал действия наперед и старался помочь тем, кого впускал в свой ближний круг. Обвинять его в черствости или желании самоустраниться до поры, когда всё само собой решится, заведомо говорить о нём ложь.

– А-а-а... он тут где-то, да? – уточняю, поглядывая в сторону незакрытой двери.

– Нет, рано же еще, – получаю ответ. – Посещения с десяти только возможны. Раньше не жди, не пустят. Только если начальство команду даст.

Для Чернышова это вообще не вопрос. Дело пары минут. Но тему не развиваю, спрашиваю о другом.

– А сейчас сколько времени?

– Восемь только.

Киваю. Вновь подтверждаю желание помыться и прошу принести чистую одежду. Сама, потихоньку раздевшись, захожу в узкий отсек и включаю лейку.

Под водой стою не слишком долго. Знаю, что медсестра не ушла. Осталась подстраховать: не дай бог, снова станет худо.

Но моюсь вся. И тело, и волосы. Паша, оказывается, помимо вещей мне и гель для душа передал, и мочалку. А еще расческу и даже телефон. Не мой. Новый. Но с моей старой сим-картой.

Всё это замечаю, уже когда возвращаюсь в палату.

– Заботливый он у тебя. Сразу видно: любит сильно, – комментирует медсестра обнаруженные мною находки.

Среди аккуратной стопки вещей нахожу даже крем для лица, которым по утрам много лет пользуюсь.

– Кто? – уточняю, не сразу сообразив, о ком речь.

– Как кто? Муж твой.

– Он не мой. Он – бывший, – поправляю улыбающуюся женщину и ловлю ее недоумение.

– Да ты что? Вот уж никогда бы не подумала! Честное слово, я чего только на своем веку не видала, но твой красавец... совсем не похож.

– На бывшего?

– Ну да.

Пожимаю плечами и с огорчением осознаю, что боль в голове не только возвращается, но и пульсирует все сильнее.

– Наверное, он – исключение.

Моя собеседница как-то загадочно хмыкает.

– Кто знает – кто знает, но безразличием от него точно не веет.

В любом другом случае давно бы закруглила разговор, делиться личным – нет уж, не моё. Но тут почему-то хочется высказаться. То ли женщина очень располагающая, то ли внутри назрело.

– Просто он дочь очень сильно любит. Она у нас еще маленькая. Поэтому и обо мне печется, – даю разумное объяс-

нение.

И снова получаю загадочную улыбку.

– Знаешь, милая, это у нас, женщин, в голове дети и матери связаны воедино. А мужики совершенно иначе мыслят. Ради любимой женщины они и чужого ребенка полюбят. А ради ребенка женщину, которую уже не считают своей, – ох, вряд ли... очень-очень вряд ли...

Глава 13

МАРГАРИТА

После горячего сладкого чая с соленым крекером, которым угощает медсестра, слабость отступает, реальность больше не пытается смазаться, и даже дышать получается свободнее.

– Полегчало? – интересуется Нина Васильевна, заглянув ко мне в очередной раз.

– Да, спасибо.

Откладываю расческу в сторону – мои слегка выющиеся локоны уже довольно неплохо успели просушиться – и беру в руки резинку. Запястье ноет, как и ребра, когда поднимаю руки вверх, но я упорно мастерю на макушке хвост, а под конец и вовсе фиксирую его в гульку.

Обычно я хожу с распущенными волосами. Не такие уж они и длинные, чуть ниже плеча, в лицо не лезут и не мешают. Остригла их сразу, как получила документы о разводе. Настроение было такое – менять жизнь по полной программе, включая даже прическу. Но сегодня хочется убрать все лишнее понадежнее, и подспудно я понимаю почему.

Не из-за того, что в палате жарко, и локоны липнут к шее, доставляя дискомфорт.

А потому, что в памяти прочно осел тот момент, когда бандит, удерживая меня за шкирку и распущенные пряди,

выкидывал из машины на дорогу.

Ведь если бы они не были столь доступны для чужих за-
гребущих лап, всё могло быть иначе...

Снова растираю запястье и ложусь на кровать, подставляя
ягодичную мышцу для укола. А когда манипуляция закан-
чивается, выпрямляюсь и уточняю:

– Нина Васильевна, подскажите, во сколько врач обычно
осмотр начинает?

Хочется понимать, как дальше планировать свой день. За-
держиваться дольше необходимого в больничных стенах нет
никакого желания.

По Снежке соскучилась, сил нет. А еще переживаю, как
она без меня первый раз в жизни ночевала.

Няня, конечно, отчиталась, что вчера всё прошло пози-
тивно и без слез, – я ей позвонила сразу, как только переоде-
лась, вернувшись из душа. Они и погуляли, и поиграли, и
покушали, и уснули под сказку замечательно. Потом пришел
папа и остался с дочерью на ночевку, ее отпустил.

А утром Инна Ивановна снова заступила на смену и, по-
наблюдав за Снежкой, отметила, что та весела и бодра, как
обычно. Без капризов съела полбаночки яблочного пюре, на-
дела любимые носочки с ягодками и желтое платье с бабоч-
кой на груди и с настроением пошла в ясли.

И вроде я выдохнула, что обошлось без капризов, но не
до конца.

Хочу услышать всё то же самое из уст моей сладкой бу-

лочки. Ей я доверяю больше всего. К тому же она с Павлом ночевала вдвоем, а это тоже как-никак новый опыт – только уже для них обоих.

Интересно, Чернышов ночью слышал, как Снежка вставала, чтобы попить водички, или нет?

В принципе, дама она у нас довольно самостоятельная. Может и сама справиться. Но все равно любопытство гложет.

– Титов обход в десять часов примерно начинается, как с бумагами разберется, – отвечает на мой вопрос медсестра, убирая в лоток использованный шприц и пустую ампулу. – Иногда раньше может прийти, иногда позже, но точно всех осматривает до обеда.

– Поняла, Нина Васильевна. Спасибо.

– Да не за что совершенно, – улыбается она. – И, Рит, не забудь, что к тебе Палий сегодня должна прийти повторно.

– Палий?

Наморщив лоб, пытаюсь понять, о ком идет речь.

Нина Васильевна поясняет, что это психолог, с которой я вчера общалась.

- Забыла?

Абсолютно.

Я вчера в таком раздрае пребывала, что особо не вникала, что и кто от меня хочет. Отвечала на вопросы больше наобум, только чтобы оставили в покое.

– Ах да, точно, – киваю.

И параллельно соображаю, что, пожалуй, врач вчера моё

состояние оценил верно, вот и дал отлежаться. Зато сегодня снова захочет разговорить.

Ладно, насильно никто в голову лезть не станет. А я... решу по обстоятельствам. Не уверена, что захочу вспоминать и проговаривать случившееся вслух.

– Нина Васильевна, – торможу медсестру уже на пороге, – скажите, а Жанну Елину тоже к вам привезли?

Женщина лишь на пару секунд задумывается. Сведя брови к переносице, едва заметно шевелит губами, будто фамилии больных беззвучно перебирает, потом уточняет:

– Девочку, которой щеку порезали?

– Да, её.

– К нам, Рита, – кивает утвердительно. – Она в другой части крыла лежит. Ближе к выходу. В двенадцатой палате.

Рукой указывает направление.

– А... а я могу ее навестить? – уточняю и губу прикусываю.

Почему-то душа не на месте. Хочется навестить именно ее.

Прежде чем ответить, медсестра вскидывает руку, смотрит на часы – отмечаю черный резиновый ремешок, плотно обхватывающий запястье.

– Не положено вообще-то... – проговаривает она негромко, скорее, как бы себе, а не мне, – но девочка проснулась. Я ей десять минут назад капельницу ставила. Если очень хочешь, загляни, но только тихонько... и, Рит, если она нерв-

ничать начнет, не дави, сразу уходи. Ладно? Нельзя ей сейчас отрицательные эмоции получать, понимаешь?

Киваю.

– Понимаю. Спасибо. Я аккуратно, клянусь.

Жанну нахожу без проблем. Ну и, чего уж там, без слез, конечно, у нас не обходится. Но не истерических, с подвыпаниями и криками, а облегчающих душу, чистых каких-то. Ведь несмотря на весь ужас ситуации и травмы, мы обе смогли выжить.

– Ритка, ты прости меня, пожалуйста, идиотку. Я не специально тебя подставила. Мозги от страха совсем отключились, несла дурь полную... – шепчет Елина, едва двигая губами. – Стыдно мне очень. Прости, а?

Из-за порезов, левая часть ее лица и шея опухли и забинтованы. Медсестра сказала, что больше десятка швов наложили.

Пока так. Дальше пластика только поможет.

А она – умница, не истерит. Держится, как настоящий боец.

– Не за что прощать, Жанн, – поглаживаю ее по тыльной стороне ладони. – Я не держу зла, честно. И ты себя прости. Поняла?

– Спасибо, Рит.

– Всё, забыли.

Обнимаю её на прощание.

В начале десятого ко мне в палату приходит психолог. Раз-

говариваем с Палий недолго. Для себя делаю вывод, что делиться собственной болью с посторонним человеком я не готова.

Точно не сейчас.

Может, позже созрею.

Может, никогда.

Но контакты специалиста на всякий случай беру. А в десять меня навещает Титов и, немного поворчав, что можно было бы и задержаться на сутки-двое, понаблюдаться, все же выписывает.

– Но рекомендации я требую выполнять строго, Маргарита Денисовна! Договорились?

– Договорились.

– Хорошо. Тогда больничный оформляю. Рецепты выписываю. Эту неделю на работу ни ногой. А на следующей...

– А на следующей я иду в отпуск, – произношу с улыбкой.

– Отпуск? Отпуск – это замечательно! Совсем другое дело, – кивает Роберт Михайлович и оставляет меня в палате одну собираться.

Глава 14

МАРГАРИТА

Короткий стук в дверь вызывает удивление напропалую с недоумением. Врачи и медперсонал до этого заходили-забегали-заскакивали, не предупреждая, да и когда им успевать, больница переполнена.

А тут кто-то культурный свое появление обозначает.

Нахмурившись, отворачиваюсь от пакета, в который складываю свои немногочисленные пожитки.

Накидать варианты желающих меня провести не успеваю. Их сходу сложно даже на пальцы одной руки набрать. Да и дверь уже распахивается.

– Привет, – до боли знакомый голос цепляет все нервные окончания.

Сердце срывается с места в карьер, пульс принимается частить, грудь стягивает невидимая лента, а взгляд, как примагнитенный, тут же прикипает к Павлу.

Обычная реакция на мужа.

«Бывшего мужа, – поправляю себя. И очень-очень тихо, пугаясь самого значения этого слова, добавляю. – Любимого».

Не уверена, что мои чувства к этому человеку когда-нибудь изменятся.

Он, как тайфун, смерч, вязкая сладкая патока, затянул ме-

ня в себя много лет назад без варианта вырваться. Впечатлил, взбудоражил, влюбил, ослепил и сделал невосприимчивой к остальному миру. Всё внимание на себе сконцентрировал.

Не знаю, как у него это получилось. Он же даже не старался. Да что там – он на меня и не смотрел толком, а у меня тумблер сработал.

Глаза в глаза.

Краткий миг.

Хватило.

Запечатление – стопроцентное.

На мой двадцать первый день рождения.

Шесть лет назад.

Была пятница. Вечер. Старший брат Макар вернулся из двухмесячной командировки в Казань и решил устроить мне сюрприз. Заставил надеть самое красивое платье и потащил сестренку-заучку в клуб развеяться.

А там его друзья-приятели отдыхают. Парни, девушки, огромный стол, веселье полным ходом. Нас пригласили присоединиться. Еще и поздравлениями меня, узнав повод, закидали.

Чернышов был среди них.

Он ничем не выделялся. Не смеялся громче всех, не перетягивал на себя внимание, не закидывал меня вопросами про университет и не выкрикивал тосты с поздравлениями. Он больше молчал, изредка перекидывался с парнями коротки-

ми фразами, понятными лишь им одним, и наблюдал.

Не за мной.

За яркой, как осенняя листва, рыжей девушкой. Веселушкой-хохотушкой, гламурной красоткой и заводилой кампании.

Позже я узнала, что это Алена Холоднова. Еще удивилась, сказала брату, что ей абсолютно не подходит ее фамилия. Она же, как огонь, пылкая, искристая, взрывная.

А тут – Холоднова.

Холодная.

Бр-р-р!

Макар же только посмеялся и сказал, что веселость и легкость – красивый фасад, а фамилия у девчонки весьма говорящая.

Но это всё было после.

А в тот вечер...

Паша *просто* на меня посмотрел. Один раз. В полумраке клуба. Перехватил мой взгляд своим, зацепил – и безумием каким-то накрыло. Дыхание в тот же миг спрессовалось и превратилось в тугой ком. Такой, что не протолкнуть.

Хотя нет, вру.

Все, что исходило от Паши, было далеко *не просто*.

Не просто для меня.

Его взгляд, короткий, но острый, пробил насквозь. Установил связь и словно запретил ее разрывать. Примагнитил к себе, не позволяя соскочить или увернуться. Скорее душу в

кровь изрезать можно было, но точно уже не вырваться.

Глаза – темные-темные. Они затянули, обволокли, поработили.

Я влюбилась с первого взгляда.

Да именно так.

Влюбилась, как ненормальная, совершенно не зная человека, но догадываясь, что связь с ним будет смертельно опасной для моего сердца. И понимания, что остановиться, избежать ее, сил уже не найдется.

Шесть лет назад, когда мне исполнился двадцать один год, я была не целованной девчонкой, которой отношения с парнями казались неинтересными. Совершенно. То ли дело книги, учеба, яркий мир, насколько позволяет фантазия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.